

ДИСКУРС НАЦИОНАЛЬНОГО В ПОИСКАХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СИМВОЛОВ ЧУВАШИИ В 1920-е – 1930-е ГОДЫ

Ткаченко В.Г.

В статье предпринята попытка выявить особенности развития национально-государственного дискурса в Чувашии на основе анализа процессов поиска национально-государственной символики в связи с обретением чувашским народом в 1920 г. своей государственности.

Ключевые слова: государственные символы, государственный герб, государственный флаг, национальный дискурс, национальная политика, Чувашия.

России в силу исторических условий формирования её территории и особенностей развития государственности предопределено находиться в эпицентре глобальных национальных процессов. Поэтому проблема национального всегда будет стоять в повестке дня нашего государства. Вместе с тем, как отмечал А.Г. Здравомыслов, национальный дискурс не разворачивается сам по себе, а представляет собою часть дискурса политического. По его мнению, это обусловлено наличием в национальном дискурсе таких базовых категорий, как «нация», «этнос», «суверенитет», «культурная автономия», «национальные чувства», «национальные интересы», «государственность», «патриотизм», «национализм», «шовинизм», «этнофобия (этнофобии)», «национальный экстремизм», связанных с политическим лексиконом. [1]

Наиболее ярко эта взаимосвязь политических и национальных процессов проявлялась в переломные для нашей страны периоды. Особо выделим два первых послереволюционных десятилетия, отмеченных активным национально-государственным и административно-территориальным строительством в РСФСР и СССР.

В предлагаемой статье предпринята попытка выявить особенности развития национального дискурса в Чувашии на основе анализа процессов поиска национально-государственной символики в связи с обретением чувашским народом в 1920 г. своей государственности.

По определению О.М. Хауер-Тюкаркиной «дискурс национального – это совокупность бытийных особенностей нации, отражающих ее текущее состояние как общности индивидов, осознающих свою принадлежность к группе людей, проживающих на определенной территории, имеющих единое историческое прошлое и общее будущее в пределах одного культурного, экономического, политического пространства». Дискурс национального, отмечает исследовательница, имеет постоянное ядро, включающее в себя всё то, что послужило нациеобразующим стимулом. В первую очередь это символический капитал нации, её культурные коды и архетипы, а также периферия, охватывающая комплекс актуальных вопросов, характерных для конкретного этапа развития нации. [2]

Революционные события 1917 года, принятая буквально через неделю после прихода к власти большевиков «Декларация прав народов России», ставшая программным документом самоопределения народов, подняли небывалую волну национальных движений, в том числе и среди чувашского населения. Вместе с тем, смена политического строя предопределила и смену символического пространства, которое открывало новые возможности не только для реализации чаяний многочисленных народностей, населявших страну, но и их материализации в виде символики, «апеллирующей к архетипам и ожиданиям масс». [3]

Впервые о необходимости разработки собственных национальных символов было заявлено на Общечувашском национальном съезде, проходившем в Симбирске 20–28 июня 1917 года. В резолюции по национальному вопросу, в частности, указывалось: «В целях объединения чуваш Съезд находит необходимым немедленно приступить к созданию национального флага и значка чувашского общества; флаг с одной стороны д[олжен] б[ыть] цвета наиболее чувашами любимого в древности и более распространенного в настоящее время, с национальными рисунками и узорами; другая сторона флага должна по цвету и рисункам выражать идею наступления эры национальной свободы для чуваш и начала культурно-национального объединения и возрождения их; флаг должен быть по рисунку настолько прост, чтобы его могли делать и разрисовать крестьянки-чувашки; значок должен иметь инициалы «Ч.Н.О» (Чувашское Национальное Общество)». Съезд поручил Правлению ЧНО образовать из чувашских художников и лиц, «хорошо знакомых с национальным духом чуваш» особую комиссию, которой было предложено разработать проект флага и значка «после тщательного изучения национальных вкусов и особенностей чуваш». [4]

Хотя формально в документе говорится о национальном, а не о государственном флаге, а также о значке общественной организации, значение этой инициативы трудно переоценить. Особо обращает на себя внимание побудительный мотив решения – «в целях объединения чуваш», что позволяет говорить о данном событии как об отправной точке в поиске общенациональных символов, олицетворяющих единение чувашского народа, тогда еще территориально разобщенного.

В связи с указанным поручением съезда следует отметить еще один пункт данной резолюции, в котором отстаивалась необходимость защиты национальных традиций: «Съезд выражает протест по поводу ведущейся среди чуваш агитации, откуда бы она ни исходила, против сохранения национального языка, обычаев, обрядов, костюмов, увеселений, песен, игр и т.п., так как в них находят выражение дух и особенности нации, и вне которых нация, как таковая, и существовать не может». [5] Таким образом, в подходах к разработке будущей символики изначально этническая составляющая доминировала над политической.

Аналогичная позиция по отстаиванию интересов чувашской нации была озвучена в июне 1918 г. на Первом чувашском военно-окружном съезде Казанского военного округа, рассмотревшим вопрос «Национальный момент в русской революции». В принятой по нему резолюции указывалось: «Съезд, заслушав доклад о национальном моменте в Российской революции, признавая пра-

во чувашской народности на национальное самоопределение одним из величайших завоеваний революции, постановил: принять все меры на развитие среди чуваш национального самосознания и всем чувашским организациям, осуществляющим эту важнейшую задачу момента, оказывать полное содействие». [6]

Вопрос о создании национального флага был поднят вновь на Первом всероссийском чувашском военном съезде, проходившем в Казани в январе-феврале 1918 г. На его заседании от 30 (17 по ст. ст.) января В.Н. Абрамов-Иревли предложил «обсудить вопрос об образовании национального флага». Его разработку съезд поручил национальной комиссии. [7] На заседании от 4 февраля (22 января) был заслушан вопрос о результатах сбора средств на эти цели. В специально созданный фонд поступило 610 рублей, собранных в результате проведения лотереи и организации спектакля. Также была избрана Комиссия по выработке проекта национального флага, в которую вошли Д.П. Петров (Юман), В.Н. Абрамов-Иревли, Ефремов и Васильев. [8]

Сохранился протокол ее заседания, содержащий не только ход обсуждения проектов, но и некоторые данные о внешнем облике предлагавшейся для рассмотрения символики. Документ не датирован. Вероятнее всего, комиссия заседала 5 февраля (23 января) 1918 г., [9] а уже на следующий день состоялось принятие флага съездом. [10]

Надо полагать, что проекты были разработаны еще до образования комиссии. В противном случае у участников конкурса было бы слишком мало времени на их подготовку. Причем, судя по тексту, разрабатывались не только эскизы флага, но и герба.

Обратимся к тексту протокола: «Председателем выбран Дм[итрий] Петр[ович] Петров, который высказывается, чтобы знамя было возможно проще с помещением национальных узоров и, кроме того, было б помещено зеленый цвет (*так в тексте – В.Т.*). Художник И. Максимов заявляет, что зеленый цвет на знамени необход[имо] поместить и добавляет, что нужно поместить белый (с желтоватым от[т]енком) цвет и национальные узоры. Между прочим, художник Максимов представляет проект знамени, выработанный художниками Максимовым, Федоровым и Васильевым. Было еще представлено худ[ожником] Ефимовым три (3) проекта. Главное внимание комиссия уделила на проект, представленный худ[ожником] Максимовым.

Комис[с]ия просила, чтобы знамя говорило б о характере и вере народа (чувашского). Д. Петров предлагает высказаться авторам проектов. По ознакомлении [с] проектами, Комиссия большинством голосов принимает проект знамени Максимова и др. Петров просит разрешить: знамя должно быть одно-стороннее или двухстороннее, и большинством голосов принимается – одно-стороннее. Петров заявляет: «Нет ли желающих сделать добавления к проекту Максимова». Комиссия высказывается, чтобы на знамени было изображ[ение] солнца. Федоров заявл[яет], что солнце можно поместить в углу зеленого цвета, что и принимается Комиссией. Были прения по поводу герба. Высказывались за сложность этого герба, но по заявлению худ[ожника] Максимова, что герб для деревни будет печатываться (*так в тексте – В.Т.*) – Комиссия принимает. Комиссия высказалась, чтобы узоры на всех знам'ях (*так в тексте – В.Т.*) были

одинаковы. Древко было бы цвета дубовой древесины, что и принимается. Комиссия просила Максимова представить съезду более обработанный проект.

Петров просит, нет ли еще каких-либо заявлений, но никаких заявлений не было и комиссия закрывается». [11]

Хотя формально комиссия сделала свой выбор в пользу проекта И. Максимова, 6 февраля (24 января) 1918 г. делегатам съезда было предложено выбрать наилучший вариант национального флага из выставленных художниками проектов. После обсуждения таковым был признан флаг, разработанный И. Максимовым. [12]

На этом же заседании было принято еще одно решение, связанное с использованием флага. Так, после обсуждения доклада военной комиссии, в котором говорилось «о важности формирования чувашских полков», съезд, в частности, постановил: «Знамя полка – национальное же знамя написанное красными буквами название полка». [13]

В процитированных документах обращает на себя внимание одна деталь: и участники обсуждения, и делегаты съезда не видели разницы между флагом и знаменем, используя оба понятия в одном контексте.

Несмотря на то, что вопрос о национальном гербе в документах съезда официально не ставился, на утреннем заседании съезда 12 февраля (30 января) 1918 г. председательствовавший на нем Д.П. Петров проинформировал делегатов «о комиссии по выработке Чувашского Национального Герба» и сообщил о невозможности закончить работу до закрытия съезда. В результате было решено «передать это дело Центральному Совету «Канаш». [14]

Дальнейшая судьба этих атрибутов неизвестна. Сведений об их применении и степени распространения среди чувашского населения не имеется.

На данном этапе мы сталкиваемся и с первым опытом использования советской политической символики среди чувашей. В корреспонденции А.П. Прокопьева-Милли «Первое организованное участие чуваш в торжестве пролетарского праздника по поводу годовщины Октябрьской революции (Из Казани)» сообщалось: «Чувашский пролетариат в лице служащих и ответственных работников в чувашских советских учреждениях, коммунистического комитета и представителей Комитетов деревенской бедноты торжественной процессией в честь годовщины Октябрьской революции участвовал в следующем порядке: первым шел Чувашский Коммунистический комитет в лице членов бюро комитета, вторым Чувашский подотдел политического отдела штаба Восточного фронта, третьим центральные подотделы Чувашского отдела при Народном комиссариате Национальностей и четвертым Чувашский отдел при Казанском губернском совдепе. На плакате Коммунистического комитета был изображен символ солидарности чувашского пролетариата с городским пролетариатом в виде подачи рук друг другу углекопа чувашенину-кулеткачу. На плакате Чуваш подотдела Политического отдела штаба Восточного фронта был изображен красноармеец чувашин в момент прощания его со своим семейством и родными. На остальных двух плакатах были картины, касающиеся крестьянского быта». [15]

«В России после Февральской революции, – отмечает Н.А. Соболева – использование подобных образов – фигур тружеников с орудиями труда (рабо-

чих, крестьян, солдат) – становится нормой, особенно на знаменах и при оформлении праздничных шествий. Символы рабочей профессии являлись чуть ли не обязательным элементом оформления подобных шествий». [16]

Бурные процессы размежевания политических сил России завершились победой большевистской идеологии, в том числе и в вопросах политической, государственной и прочей символики. В этих условиях любые попытки проявлять излишнюю самостоятельность на местах вызвали подозрительность центра. Достаточно вспомнить, что Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР (Наркомнац), действовавший с октября 1917 – по апрель 1924 гг., возглавлял И.В. Сталин.

Весьма показательной в этом смысле стала судьба так называемого «Чувашского гимна», написанного в январе 1918 г. студентом Казанского университета и руководителем чувашского хора Т.Д. Алексеевым под впечатлением от происходивших в стране революционных событий. Музыкальной основой этого гимна-песни стало произведение А.Т. Гречанинова «Да здравствует Россия, Свободная страна» (более известное как «Гимн свободной России»), созданное и ставшее чрезвычайно популярным в дни февральской революции.

Его первое исполнение связано с еще одной яркой страницей истории культуры чувашского народа – рождением национального театра. 27 января 1918 г. в зале Казанского женского медицинского института (бывшего купеческого собрания) состоялась премьера первого чувашского спектакля по пьесе А.Н. Островского «Не живи, как хочется», восторженно принятого публикой. Праздничное настроение, царившее после представления, было подхвачено хором под управлением Т.Д. Алексеева, принимавшим участие в массовых сценах спектакля, после которого музыкальный коллектив выступил с концертом. [17] Он исполнил народные песни, а также только что написанный его руководителем «Чувашский гимн».

Стихотворение на чувашском языке, положенное на музыку известного в России композитора, было сразу же восторженно принято зрителями. В дальнейшем гимн исполнялся на каждом выступлении хора. Его популярность была столь велика, что на протяжении всего 1918 года он включался в программу вечеров, спектаклей, устраиваемых Пролетарскими клубами, культурно-просветительскими кружками и ячейками сочувствующих коммунистам для чувашского населения. Однако, в апреле 1919 г. Чувашский отдел при Наркомнаце своим постановлением признал это произведение носящим «чисто шовинистический характер» и запретил его исполнение. В документе, подписанном заведующим отделом Д.С. Эльменем и заведующим подотделом связи и иногородним А. Васильевым, указывалось: «Полагая, что исполнение означенного «гимна» среди чувашской бедноты и трудовых масс не должно иметь места и что у трудящихся всего мира должен быть один общий гимн – Интернационал, Чувашский Отдел в целях пресечения узкого национализма постановил: изъять из употребления среди чувашского населения вышеупомянутый гимн. Всем уездным, волостным и сельским Совдепам среди чувашского населения наблюдать за точным исполнением настоящего постановления». [18]

Обретение чувашским народом своей государственности предопределило характер политических процессов, связанных с созданием национально-

государственной символики. Официально Чувашская автономная область (АО) стала функционировать с 6 июля 1920 г. В переходный период – до создания постоянно действующих органов государственной власти – управление областью осуществлял Революционный комитет Чувашской АО, образованный на базе аппарата Чебоксарского уездного исполнительного комитета. Он организовал прием уездов и волостей, отнесенных к области согласно Декрету от 24 июня 1920 г. «Об Автономной Чувашской области». Всего в состав нового образования вошли 17 волостей Чебоксарского, 19 волостей Цивильского и 20 волостей Ядринского уездов. Территория области к началу 1921 г. составила 10 тыс. квадратных верст, а население – свыше 805 тыс. человек. [19] Первый областной съезд Советов, проходивший в Чебоксарах с 7 по 11 ноября 1920 г., избрал постоянный орган государственного управления, сменивший ревком, – Исполнительный комитет Советов Чувашской АО.

Первоначально на бланках и печатях сначала областных, а с апреля 1925 г. и республиканских органов власти, использовалось изображение Государственного герба РСФСР, одобренного ВЦИК 20 июля 1920 г. и закрепленного Конституцией РСФСР 1925 г., вокруг которого были воспроизведены названия автономной области (позднее – республики) и соответствующего учреждения на чувашском и русском языках.

Преобразование Чувашской автономной области в республику и необходимость разработки ее конституционных основ побудили местные органы власти инициировать и процесс создания государственных символов. Так, 3 сентября 1925 г. при Президиуме ЦИК Чувашской АССР была образована специальная Комиссия по выработке Конституции республики в составе: помощника прокурора А.А. Андреева (председатель), заместителя председателя ЦИК А. Х. Харитонов, члена ЦИК М.Ф. Спиридонова, заведующего оргчастью ЦИК [А.П.] Сорокина и представителя Профсовета [М.С.] Евграфова. [20] Позднее в ее состав был включен прокурор Ф.С. Степанов. [21] Очевидно, с подачи комиссии (протоколов ее заседаний выявить не удалось) 25 ноября 1925 г. ЦИК Чувашской АССР направил в Общество изучения местного края письмо, в котором предлагал представить эскизы государственных герба и флага. На заседании совета общества была образована комиссия в составе М.П. Петрова (Тинехпи), Н.И. Ванеркке и А.А. Андреева, которым и была поручена эта работа. [22]

Вопросы разработки Основного Закона находились под пристальным партийным вниманием. Бюро Чувашского обкома РКП(б), заслушав 1 декабря 1925 г. доклад комиссии по выработке Конституции Чувашской АССР, создало свою «специальную партийную комиссию» для рассмотрения проекта этого главного для республики документа. В нее вошли С.А. Коричев (председатель), [А.А.] Андреев, Г.М. Михайлов, В.И. Краснов, Л.М. Лукин. Ей также было поручено «обсудить вопрос о гербе и флаге». [23]

Для понимания логики развития последующих событий выделим факторы, оказавшие влияние на принятие важнейших решений по вопросам государственной символики. Прежде всего, необходимо отметить, что в этот период Чувашия переживала высочайший духовный подъем. Весьма точно отразил происходившие в республике события в своем очерке «У чувашей» молодой советский писатель Н.Ф. Погодин, побывавший в Чувашии в 1925 году: «Каждого

свежего человека, впервые попадающего в Чебоксары, в этот «Древний город», отличающийся от большого торгового села только тем, что здесь старая Русь как-то умудрилась выстроить 17 церквей и один монастырь на три тысячи прежних горожан, всегда поразит одно: это весенний, молодой, большой культурный подъем. Культурный подъем пробуждающейся народности. Здесь следуют одна за другой лекции. Читают по-русски об истории чувашей, дискуссиям о чем-то по-чувашски, кропотливо устанавливают свое древнее происхождение, впервые изучают свой язык, собирают народные национальные песни. Какие-то трудолюбивые люди по ночам копаются в старых книгах и древних грамотах, пишут доклады. Спешат. Бросается в глаза эта энергичная торопливость, – скорее, как можно скорее заполнить пробел столетий. В этой торопливости чувашей чувствуется сердце народа, забившееся впервые в национальном самосознании». [24]

Вряд ли в истории республики найдется аналогичный и по количеству, и по значимости событий период, сопоставимый с первой половиной 1920-х годов. Действительно, с момента образования автономной области в Чувашии произошел колоссальный всплеск научно-исследовательской деятельности.

Так, 9 ноября 1920 г. I съезд Советов Чувашской АО принял постановление о создании в Чебоксарах Центрального чувашского музея с филиалами в городах и крупных населенных пунктах области. [25] Не осталась в стороне от дела изучения прошлого чувашского края и коллегия отдела народного образования Чувашской АО, которая 11 января 1921 г. приняла решение о срочной организации в области курсов «по изучению краеведения и чувашского языка». [26] Через месяц – 13 февраля – в Чебоксарах открылся Чувашский национальный музей, [27] а еще через месяц – 17 апреля – на торжественном собрании представителей партийных и советских органов, учебных заведений состоялось открытие Общества изучения местного края (ОИМК), в которое в этот же день записался 51 человек. [28] Среди его членов были руководители области Д.С. Эльмень и С.А. Коричев.

Под влиянием всеобщего энтузиазма, царившего в Чувашии в деле культурного подъема, в Казани создается центральная пролетарская организация учащихся-чуваш, ставившая перед собой задачи изучения языка, литературы, истории, археологии, этнографии, экономического состояния чувашского народа, пополнения экспонатами национального музея, развития искусства. [29]

В экономически тяжелый для Чувашской АО 1921 год областной отдел народного образования и Центральный чувашский музей организовали сразу две археологические экспедиции во главе с профессором Казанского университета В.Ф.Смолиным – в Пиляры и Сувары, и в район с. Абашево. [30] Именно им мы обязаны открытием ставшей всемирно известной абашевской первобытной культуры.

Ярким научным событием для республики стало выступление 20 июля 1924 г. крупнейшего отечественного антрополога профессора Б.Н. Вишневого с докладом «О целях и задачах антропологического изучения чуваш» и выдающегося чувашского фольклориста, писателя и историка Г.И. Комиссарова с докладом «Об археологических достопримечательностях Чувашобласти» перед слушателями областных курсов по переподготовке работников просвещения и

членами Общества изучения местного края. В мероприятии, проходившем на лоне природы на левом берегу Волги, приняло участие около 70 человек. [31] В августе того же года перед членами общества выступил профессор Н.В. Никольский с докладом «Ближайшие очередные задачи по изучению местного края», в котором он сделал обстоятельный обзор архивных источников, содержащих сведения по истории Чувашии и чувашского народа. [32]

Подобная тенденция сохранилась и в период, когда началась работа над Конституцией и созданием первых государственных символов Чувашии. Так, 30 июня 1925 г. состоялось объединенное заседание четвертой сессии Исполкома Чувашской АССР и Общества изучения местного края, на котором был заслушан доклад академика Н.Я. Марра «Чуваши как наиболее в чистом виде сохранившийся народ яфетической группы». [33]

23 июля 1925 г. в помещении летнего театра перед членами ОИМК и жителями города с докладом о проведенных археологических раскопках курганов-могильников ус. Абашево выступил профессор В.Ф. Смолин. [34] Позднее (протокол заседания не датирован) он же выступил на общем собрании общества по теме «Основы краеведения». [35]

Богатым на события оказался и 1926 год. Так, 28 марта на общем собрании членов ОИМК с участием 109 человек был заслушан доклад В.Ф. Смолина «Первобытные насельники Чувашского Края». [36] 15 июля 1926 г. на объединенном заседании ЦИК и СНК Чувашской АССР обсуждался доклад академика Н.Я. Марра о мероприятиях по изучению чуваш. [37] В течение года Обществом изучения местного края совместно с Наркоматом просвещения Чувашской АССР в республике были организованы сразу 8 экспедиций: геологическая, под руководством профессора Б.И. Горизонтова; зоологическая, под руководством профессора Н.А. Ливанова; ботаническая, под руководством профессора А.Я. Гордягина; педологическая, под руководством профессора Я.Н. Красникова; лингвистическая, под руководством академика Н.Я. Марра; антропологическая, под руководством профессора Б.Н. Вишневого; две археологические, под руководством профессоров В.Ф. Смолина и П.П. Ефименко.

И это всего лишь часть событий научного и просветительского характера, произошедших в очень сжатый хронологический отрезок! Постоянные контакты с виднейшими представителями отечественной науки в немалой степени способствовали и более широкому приобщению к изучению края чувашской интеллигенции. Впервые за столетия на уровне массового сознания чувашский народ в полной мере ощутил не только самобытность своей культуры, но и древность корней. Не случайно местными краеведами (Д.П. Петровым-Юманом, М.П. Петровым (Тинехпи), А.П. Прокопьевым-Милли и др.) был проявлен особый интерес к истории Волжско-Камской Болгарии. В своих работах они пропагандировали утверждение о том, что чуваша являются единственными, прямыми и чистыми потомками волжско-камских болгар и изображали болгарский период как «золотой век» в истории чувашского народа. Была даже развернута кампания по переименованию чувашей в болгар, а Чувашскую АССР предлагалось назвать «Болгарской». [38]

Особо следует отметить инициативу одного из основоположников чувашского профессионального изобразительного искусства М.С. Спиридонова по со-

биранию материалов по чувашскому национальному орнаменту. Именно в 1920-е годы художник ездил по чувашским деревням, зарисовывая и выменивая у крестьян украшенные вышивкой вещи. Собранная им богатейшая коллекция утвари, старинной одежды и образцов ткани с вышивкой стала основой отдела народного творчества в Чувашском национальном музее, который он возглавлял с 1921 года.

Представляется, что в первую очередь под влиянием перечисленных факторов создавалась государственная символика молодой Чувашской республики, одно из центральных мест в которой закономерно заняли национальные мотивы. Именно чувашская национальная вышивка, являвшая собой воплощение духовной и материальной культуры чувашского края, стала доминантой в поисках символов, которые должны были олицетворять государственность обретшего самостоятельность народа.

Принятая 31 января 1926 г. на I (VI) учредительном съезде Советов Чувашской АССР Конституция Чувашской АССР [39] впервые зафиксировала наличие у республики собственных Государственного герба и Государственного флага. Так, в статье 86 Основного Закона республики указывалось: «Чувашская Автономная Социалистическая Советская Республика имеет свой государственный герб и флаг». [40]

Но на данном этапе окончательное решение о внешнем облике государственных символов не состоялось. Выступая с разъяснениями положений Конституции Чувашской АССР, прокурор республики М.Ф. Степанов отмечал: «Герба и флага у нас еще нет, но мы определенно в статье говорим, что герб и флаг свой, как Республика, мы должны иметь. Прежде всего, нужно заметить, что это статья неполная, должно быть описание самого герба и флага. Но это – вопрос будущего, поэтому ограничиваемся только одной нашей статьёй, которая говорит, что мы, как автономная Республика, имеем этот герб и флаг <...>». [41]

Между тем, отсутствие главных государственных символов не повлияло на изготовление для членов ЦИК Чувашской АССР специального удостоверения с помещенной на его внутренней стороне геральдической эмблемой и специального значка в виде флажка. Так, уже 5 февраля 1926 г. постановлением Малого Президиума ЦИК Чувашской АССР «О членских книжках и значках для членов ЦИК Чувашской АССР» было установлено следующее описание знака: «Значок из серебра, имеет форму флажка, на лицевой стороне имеет следующие изображения: а) древце и флажок покрыты горячей красным пламенем эмалью: вдоль флажка по краям красного цвета с золотыми чувашскими узорами, по середине флажка белая полоска (холст), вдоль флажка с надписью золотом на чувашском языке: «КСЪР ЁТТК», что по-русски означает: «ЦИК ЧАССР», у древца с нижнего угла белой полоски изображение солнца золотом с лучами, освещающими надпись. Древце и края значка окаймлены золотом. На оборотной стороне значка имеется порядковый № значка». Интересно условие его изготовления – «не подражать значку членов ВЦИК и выработать оригинальный значок, изображающий братский Союз чуваш трудящихся с русским пролетариатом». Чувашскому представительству в Москве было поручено заказать изготовление членских книжек. [42]

Хотя в постановлении говорится лишь о документе, надо полагать, что представительством был заказан и значок. Так, на его оборотной стороне имеется два клейма: Московского окружного пробирного управления с пробой металла и Высших художественно-технических мастерских – «ВХТМ». Размер знака, выполненного из серебра с позолотой и эмалью, составлял 26,7×31,0 мм. [43]

Описания удостоверения и, соответственно, геральдической эмблемы на внутренней стороне удостоверения члена ЦИК Чувашской АССР в указанном постановлении Президиума ЦИК не имеется. Вопрос о ее происхождении пока остается открытым. Она представляла собой белый (серебряный?) круг, окаймленный с внешней стороны орнаментом. По его внутреннему кольцу был помещен следующий текст: в верхней части черным шрифтом – «КАНАШ СОТСИАЛ. ЪАВАШ. РЕСПУБЛИК.» (Чувашская Советская Социалистическая Республика); в нижней части красным шрифтом – девиз-лозунг «ПЕЪЕМ ТЕНЦЕРИ ПРОЛЕТТАРИСЕМ ПЁРЛЁШ» (Пролетарии всех стран, соединяйтесь). В центре окружности, увенчанной красной пятиконечной звездой, на фоне восходящего солнца были изображены скрещенные серп и молот, окруженные слева (от зрителя) – колосьями пшеницы, справа – шестеренкой.

Наличие на эмблеме названия Чувашской республики позволяет рассматривать данное изображение как один из возможных прототипов ее государственного герба. Очевидно, таким же прототипом государственного флага мог быть и значок члена ЦИК Чувашской АССР. Его сравнительный анализ с аналогичными атрибутами представителей власти других национальных регионов страны позволяет говорить об уникальности его изображения.

Вместе с тем, необходимо отметить одну важную деталь, которая в дальнейшем, возможно, сыграла решающую роль в судьбе национально-государственной символики республики. Дело в том, что и в эмблеме на удостоверении, и на значке члена ЦИК использован белый фон, который в соответствии с правилами геральдики и вексиллологии обозначает металл – серебро. Если строго следовать этим правилам, то нельзя накладывать металл на металл и финифть на финифть. Так, например, в значке нельзя было помещать золотое солнце на серебряном (белом) фоне, но золотой орнамент на красной финифти – можно. Формально в описании флажка белая полоска в его середине названа холстом, что, однако, ни в коей мере не могло отменить действие указанного выше правила. Эта подмена и стала в дальнейшем причиной горячих споров о возможности использования именно белого цвета, а не металла «серебро» (в геральдическом понимании) в государственных символах Чувашии.

Принятие Конституции Чувашской АССР диктовало необходимость ускорения процесса создания ее государственных символов. На этом, в частности, неоднократно настаивал и ВЦИК, выславший соответствующие запросы в адрес ЦИК республики в июне и июле 1926 года. [44]

С целью решения вопроса о гербе и флаге постановлением Малого Президиума ЦИК Чувашской АССР от 25 февраля 1926 г. «О выработке герба и флага ЧАССР» была образована специальная комиссия, в которую вошли: член Президиума ЦИК М.Ф. Спиридонов (председатель), заведующий орготделом ЦИК А.П. Сорокин, нарком юстиции Ф.С. Степанов, помощник прокурора

А.А. Андреев, нарком внутренних дел И.Я. Морозов, члены Общества изучения местного края композитор Ф.П. Павлов и врач И.К. Лукоянов. [45]

Необходимо особо отметить, что ни в отчетах, ни в протоколах ОИМК ни предшествующая, ни последующая работа над проектами государственных символов Чувашии никак не отражена. [46]

Нельзя не обратить внимания и на то, что представители от только что созданного Чебоксарского филиала Ассоциации художников революционной России (впоследствии Чувашский филиал Ассоциации художников революции), [47] сыгравшего огромную роль в развитии чувашского советского изобразительного искусства, в ее состав не вошли. И это притом, что кроме прочих оформительских работ, вновь созданное творческое объединение местных художников принимало от предприятий и организаций и заказы на изготовление эскизов на значки, эмблемы, гербы! [48] В постановлении комиссии поручалось лишь «пригласить представителя от ассоциации художников», причем, без указания конкретного лица. [49] Судя по протоколам ее заседаний, выбор пал на художника и фотографа П.Е. Мартенса – выпускника знаменитого в России Центрального училища технического рисования барона А.Л. Штиглица (ныне – Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А.Л. Штиглица), инициатора создания и председателя Чебоксарского филиала АХРР. [50]

На исполнение указанного постановления Малого Президиума ЦИК Чувашской АССР о разработке эскизов государственной символики отводилось всего две недели. На своем заседании от 16 марта 1926 г. (то есть когда срок исполнения постановления истек!) республиканская комиссия признала необходимым объявить в пределах Чувашии конкурс, но почему-то только по разработке герба. С этой целью были установлены три премии: в размере 100 рублей за первое место, и по 50 рублей за второе и третье. Одновременно были сформулированы требования к внешнему облику будущего государственного символа: «Чувашская Республика, как составная часть РСФСР, должна иметь герб в общих чертах сходный с гербом РСФСР, так как в основном цели и задачи Чувашской Республики и РСФСР общие, и поэтому должны быть сохранены в гербе ЧАССР венки из колосьев, серп и молот. Чтобы оттенить в гербе национальные особенности Чувашской Республики, признать необходимым элементом его, кроме венка из колосьев серпа и молота, экономический чувашский тип, пятиконечную древнебулгарскую звезду и чувашские самобытные узоры в декоративных целях. Следовательно, элементами Чувашского герба являются: венок из колосьев, серп и молот, чувашский экономический тип, древнебулгарская пятиконечная звезда и чувашские узоры». [51]

Однако сроки проведения конкурса определены не были. Вероятно, данное обстоятельство сыграло определенную негативную роль в оперативности решения вопроса.

Еще одним фактором, по утверждению Председателя ЦИК Чувашской АССР И.И. Илларионова, была малочисленность художественных сил в республике. Именно по этой причине представленные проекты были отклонены, и пришлось вновь объявлять конкурс. [52]

Действительно, в момент организации в феврале 1926 г. Чебоксарского филиала АХРР в него входило всего 7 человек. [53] Но в этом случае возникает вопрос о целесообразности проведения повторного конкурса вместо объединения усилий творческой интеллигенции, в первую очередь представителей сообщества художников, под эгидой специально созданной для этой цели комиссии!

Окончательные итоги конкурса были подведены лишь 10 декабря 1926 г. В заседании Комиссии приняли участие ее члены М.Ф. Спиридонов, А.А. Андреев и А.П. Лбов, а также художник П.Е. Мартенс. Примечательно, что первое место присуждено не было. Две вторые премии за эскиз герба получили художники, выступавшие под девизами «А.П.» и «Арно», а третья была присуждена за проекты герба и флага автору под девизом «Крап-лак».

Очевидно, не найдя приемлемого варианта, Комиссия все же пришла к компромиссному решению «путем комбинирования элементов, положенных в основу при составлении указанных эскизов», и постановила принять герб и флаг Чувашской АССР в следующем виде:

«а) государственный герб Чувашской Автономной Социалистической Советской Республики состоит: из изображений в лучах солнца серпа и молота, расположенных крест-накрест, рукоятками книзу, окруженных венком, состоящим из колосьев с правой стороны и из дубовых и еловых веток с левой стороны, перевитым снизу лентой с красной каймой с чувашским орнаментом на концах и с надписью в середине «Пётём тёнчери пролеттарисем, пёрлешёр!» Над серпом и молотом помещается древне-чувашская красная пятиконечная звезда. Вокруг венка надпись: «Чăвашсен Автономлă Сотсиалисăмпа Совет Республĕкĕ» и «РСФСР»;

б) Государственный флаг Чувашской Автономной Социалистической Советской Республики состоит из красного или алого полотнища, у которого на левом верхнем углу имеется вставка белого полотна с золотыми буквами «Ч.А.С.С.Р.», обрамленного чувашским орнаментом. Отношение ширины флага к длине 1:2. Отношение белой вставки к красному полотнищу 1:9». Художнику П.Е. Мартенсу было поручено «исполнить два эскиза герба и флага ЧАССР в полном соответствии выше основанными элементами». [54]

Копия протокола была направлена художнику лишь 5 января 1927 г. с резолюцией заведующего Секретариатом ЦИК Орлова: «Художнику Мартенс. Для сведения и исполнения». [55]

Таким образом, формально государственные символы Чувашии стали результатом коллективного творчества членов комиссии и участников конкурса, по крайней мере, в отношении флага. Однако, основным действующим лицом в деле художественного воплощения государственной символики республики следует признать П.Е. Мартенса.

Прежде всего, необходимо отметить, что на тот момент он был одним из немногих профессиональных художников в Чувашии, имевшим по тем временам и солидное образование, и опыт работы. В 1926 г. именно он стал инициатором создания в Чебоксарах филиала АХРР, которое затем сам и возглавил. Очевидно, с учетом этих обстоятельств художник и был привлечен для участия в работе Комиссии от нового творческого объединения республики. Именно

его способность квалифицировано решить поставленную задачу по созданию символики могла сыграть ключевую роль в принятии окончательного решения вопроса о внешнем облике государственных символов и их дальнейшем художественном воплощении.

Кроме того, если проанализировать предложенное комиссией описание герба, нетрудно убедиться в отсутствии в нем конкретики. Так, в тексте ничего не говорится о том, что герб должен представлять собой окружность с внешним и внутренним кольцами, между которыми и должен был помещаться текст. Это лишь угадывается в последнем предложении описания – «вокруг венка надпись», которое никак не предполагало окаймление герба. Строго говоря, в описании указаны две надписи, причем не ясен порядок их расположения: какой текст должен был находиться сверху, а какой снизу, или даже были возможны другие варианты его компоновки. Хотя к этому времени изображение главных символов Советского государства – серпа и молота – окончательно утвердилось, в описании нет указания и на то, с какой из сторон должен был находиться серп, а с какой молот, не говоря уже о развороте лезвия серпа.¹ То есть, фактически все художественно-композиционные решения предстояло сделать именно П.Е. Мартенсу.

В пользу нашего предположения говорит и наличие авторской подписи на проектах государственных герба и флага, представленных на утверждение II (VII) съезда Советов Чувашской АССР. Причем не обычной – письменной, а такой, какую принято делать на художественном произведении. Никаких других автографов – «заверительного» или иного характера – ни председателя комиссии, ни ее членов на эскизе не имеется. Трудно представить, чтобы П.Е. Мартенс мог позволить себе присвоить авторство, тем более в данной ситуации и в столь важном вопросе. [56]

Дальнейшую судьбу разработанных проектов должен был решить съезд Советов. Однако до этого они были представлены на суд Малого Президиума ЦИК, Президиума ЦИК, а также IV сессии ЦИК Чувашской АССР. Первый своим постановлением от 3 января 1927 г. утвердил первый пункт протокола Комиссии о присуждении премии художникам-победителям. [57] Заседавший в этот же день Президиум ЦИК республики сделал то же самое в отношении второго его пункта – об утверждении эскизов герба и флага, но с внесением в проект герба следующих дополнений и изменений: «Герб должен быть на красном фоне, звезда и лучи должны быть окрашены в золотой цвет, серп и молот также должны быть золотые. ЧАССР написать на двух языках в окружении герба с левой стороны по-чувашски: «Чăвашсен Автономлă Сотсиалисăмпа Совет Республĕкĕ», и с правой стороны на русском: Чувашская Автономная Социалистическая Советская Республика», а внизу между этими надписями поместить инициалы «РСФСР». Этим же постановлением Комиссии было предложено

¹ Отсутствием соответствующих указаний «грешило» и описание герба РСФСР, что уже тогда вызывало справедливую критику авторитетных специалистов в области геральдики. (См.: **Соболева, Н. А.** Очерки истории российской символики: От тамги до символов государственного суверенитета / Соболева Н.А. – М.: Языки славянских культур; Знак, 2006. – С. 231, 234)

«выполнить через художника эскиз герба в соответствии с внесенными дополнениями», а также поручено «составить подробное описание герба и флага ЧАССР». Проект эскиза флага был утвержден Президиумом ЦИК без изменений. [58]

Проходившая 24 марта 1927 г. IV сессия ЦИК Чувашской АССР утвердила данное постановление Президиума, но сделала это весьма своеобразно: «Постановление Президиума ЦИКа ЧАССР от 3/1 – 27 г. (прот. № 2, п. 3), о Государственном гербе Чувашской Автономной Социалистической Советской Республики утвердить, а вопрос о флаге внести на рассмотрение 2 (7) Всечувашского съезда Советов». [59] То есть получалось, что вопрос о гербе был практически решен и не требовал по нему соответствующего постановления съезда?!

Еще более удивительным в этой связи выглядит циркуляр, адресованный «всем государственным учреждениям и предприятиям». В нем со ссылкой на постановление Президиума ЦИК Чувашской АССР от 3 января 1927 г. сообщалось о принятии герба и флага республики, приводилось их описание и предлагалось: «во всех государственных учреждениях и предприятиях иметь и употреблять, как эмблему Чувашской Республики, герб и флаг, принятые Президиумом ЦИК ЧАССР». Выявленный экземпляр не датирован и не подписан (на документе указаны должности председателя и секретаря ЦИК). По имеющейся на нем помете М.Ф. Спиридонова циркуляр был подготовлен не позднее 27 января 1927 г. [60] А уже 1 февраля ЦИК республики направил в организационный отдел ВЦИК эскизы герба и флага, их описание и выписку из протокола № 2 заседания Президиума ЦИК Чувашской АССР от 3 января 1927 года. [61] То есть до рассмотрения съездом Советов! Возможно, это было сделано в целях согласования проектов.

Официальное утверждение Государственного герба и Государственного флага Чувашской АССР состоялось, соответственно, 30 и 31 марта 1927 г. на II (VII) съезде Советов республики. Стенографический отчет съезда отчасти позволяет представить, сколь непростым был поиск решения по этому животрепещущему для молодой республики вопросу.

Докладывал делегатам о проектах герба и флага председатель комиссии Президиума ЦИК М.Ф. Спиридонов. Обращают на себя внимание некоторые существенные детали его выступления. Так, в самом начале он отмечает наличие геральдических правил, которыми, по-видимому, должна была руководствоваться комиссия: «Теперь существует целая наука, которая устанавливает, каким образом должны устанавливаться герб и из каких частей состоять». [62]

Далее, прежде чем представить проекты, докладчик дважды – в самом начале и непосредственно перед тем, как озвучить результат сделанной комиссией выбора, – делает акцент на том, что проекты не только получили одобрение комиссии, но и были поддержаны Президиумом ЦИК, а также комиссией съезда. Причем, делегаты, как настаивал М.Ф. Спиридонов, должны были «исходить из этих соображений». Особо он отметил состав комиссии съезда, состоявшей из 21 человека: 7 юристов, остальные – рабочие и крестьяне. [63]

Вряд ли подобные акценты были случайными. Апеллирование к специальным правилам, авторитету органов власти и весьма представительной комиссии съезда, по мысли докладчика, вероятнее всего, были призваны укрепить

пить его позиции в вопросах, по которым даже у членов возглавляемой им Комиссии ЦИК по выработке герба и флага Чувашской АССР не было единства.

Обратимся к той части доклада, в которой М.Ф. Спиридонов остановился на описании проектов государственных символов и их особенностях. «Главной частью герба Чувашской Республики, – подчеркнул докладчик, – так же как и герба РСФСР и СССР, является серп и молот, эмблема освобождения от капитала. В союзном гербе есть также пятиконечная звезда, это эмблема борьбы и победы над капиталом, звезды в гербе РСФСР нет. Это также является основной частью герба нашей Чувашской Республики, так как Чувашская Республика [является] частью Российской Федерации, входящий в Советский Союз и поскольку цели и задачи у всех союзных республик одни и те же, у нас разница только в деталях. Это является основной чертой всех советских стран, все другие советские республики и автономные, и союзные внесли изменения только в деталях». [64]

Далее он поясняет эти особенности: «Это в чем выражается? Если взять флаги (*очевидно оговорка докладчика, так как речь идет о гербе – В.Т.*) РСФСР, он окружен венком из колосьев, Союзный герб то же самое. Чувашский герб предлагается принять в окружение венка с правой стороны из дубовых и еловых веток и с левой стороны из колосьев. Что отличает наш флаг (*очевидно также оговорка, так как речь идет о гербе – В.Т.*); эта белая лента с красным кругом, где написано: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» и оканчивается орнаментами. Больше о гербе сказать нечего. Краткое описание герба таково: на красном фоне в лучах солнца расположены крест-накрест серп и молот. Над серпом и молотом пятиконечная звезда, окруженная с одной стороны венком из дубовых и еловых веток и с другой стороны из колосьев. Раньше предполагалось сделать надпись золотыми буквами, по предложению Комиссии приняты красные буквы, соображения таковы – в деревнях трудно достать золотую краску, красным будет проще». [65]

Нельзя не отметить одну интересную деталь, которая в дальнейшем сыграла решающую роль в утрате индивидуальных черт государственной символики Чувашии. М.Ф. Спиридонов фактически озвучил тезис об унификации изображений гербов союзных и автономных республик, которые могли отличаться «только в деталях». Как далеко могли простираться эти отличия, из несколько путаного объяснения М.Ф. Спиридонова оставалось неясным. Но в трактовке отдельных элементов подобная «унификация» всё же проявилась. Так, в окончательном варианте пятиконечная звезда уже не рассматривалась как древнеболгарская эмблема, а преподносилась в качестве символа «борьбы и победы над капиталом».

Кем-то из делегатов было внесено предложение «круг окружить чувашскими узорами» (возможно так, как это было сделано на геральдической эмблеме в удостоверении члена ЦИК Чувашской АССР). Однако поддержку съезда оно не получило. [66]

В итоге, окончательный вариант герба был принят в следующем виде: «Герб состоит из изображений на красном фоне в золотых лучах солнца золотых серпа и молота, расположенных крест-накрест рукоятками книзу, окруженных венком, состоящим из колосьев с правой стороны и дубовых и еловых

веток с левой стороны, перевитым снизу лентой с красной каймой с чувашскими орнаментами на концах и с надписью в середине: «Пётём тёнчери пролеттарисем, пёрлешёр». Над серпом и молотом помещается золотая пятиконечная звезда. Вокруг венка надпись с левой стороны; «Чăвашсен Автономлă Сотсиалисăмпа Совет Республĕкĕ», с правой стороны: «Чувашская Автономная Социалистическая Советская Республика» и внизу, между вышеуказанными надписями, инициалы: «РСФСР». [67]

Наиболее спорным оказался проект Государственного флага Чувашской АССР. Об этом прямо говорится в докладе: «Был объявлен конкурс на представление герба и флага. Из представленных проектов флага ни один не удовлетворял требованиям комиссии, и сама Комиссия выработала настоящий проект флага. Президиум ЦИКа постановление Комиссии утвердил единогласно. Флаг состоит из красного и алого полотнища, в левом верхнем углу которого имеется белая вставка. Вокруг белой вставки чувашские орнаменты, в середине инициалы ЧАССР. О значении флага я останавливаться не буду. Тут некоторые товарищи возражали насчет белой вставки, хотя все инстанции, просматривавшие проект флага, утвердили его. Товарищи приводят также соображения: белый цвет не революционный цвет, революционный цвет красный – как же мы впутываем к красному цвету белый, я хочу привести несколько примеров, у нас имеется альбом флагов Союзных республик. Нужно сказать, что в каждом государстве имеется два флага; государственный или коммерческий и флаг военный. Союзный национальный флаг состоит из красного полотнища, в левом углу которого находится серп и молот и красная звезда, то военно-морской флаг состоит из красного полотнища, в середине которого имеется белый круг на котором имеется звезда и лучи расходящейся [в] стороны. Флаг начальника морских сил – белый с тремя звездами и в углу военный флаг; флаг начальника морских учебных заведений имеет в левом углу белую вставку и т.д.». [68]

Возможно для того, чтобы рассеять сомнения относительно использования белого цвета в одном из главных государственных символов, из зала стали раздаваться голоса: «Скажите о флагах других республик». На это последовал ответ: «У меня есть только флаги Союза, до сего времени ни одна автономная республика не имеет утвержденного в соответствующем порядке флага. РСФСР имеет флаг – красное полотнище с инициалами РСФСР наверху». [69]

Но особого внимания заслуживает предложение, внесенное им сразу же после ответа на реплики делегатов: «Я усиленно предлагаю и рекомендую принять этот красивый флаг». [70] Хотя оно было встречено аплодисментами, в обсуждение вмешался председатель ЦИК Чувашской АССР И.И. Илларионов, попытавшийся, очевидно, уйти от дальнейшей дискуссии по этому вопросу. Обратимся к стенограмме: «Илларионов: после семи лет существования Чувашской Автономии мы сегодня на 2-м съезде Советов принимаем впервые основные эмблемы нашей Республики – флаг и герб. Чтобы не ошибиться в мелочах в принятии этого флага, хотя комиссия подробно проработала этот вопрос, я вношу предложение принятие флага Чувашской Республики отложить до момента принятия резолюции по отчету Правительства, чтобы иметь еще возможность в отдельных кругах детально проработать этот вопрос, возможно,

что еще раз по этому вопросу будет заседать Комиссия». [71] Съезд поддержал это предложение.

Для разрешения возникших разногласий по Основному Закону, в том числе и по флагу, в тот же день заседала весьма представительная и по составу (руководители ряда высших органов власти), и по количеству членов (17 человек) Комиссия по рассмотрению конституционных вопросов. К сожалению, в протоколе ее заседания ход обсуждения не отражен. О результатах работы комиссии съезду докладывал М.Ф. Спиридонов. С его слов окончательное решение было непростым: «Комиссия подумала, обдумывали (*так в тексте – В.Т.*) и раздумывала и пришла к прежнему выводу только с небольшими изменения[ми], что флаг остается в том же виде, только вносится следующее дополнение: «кроме того, что имеется, в самой левой стороне перед буквой «Ч» должен быть серп и молот, буквы должны быть красного цвета». [72] То есть предложение одного из делегатов об использовании символики Советского государства – красной звезды, серпа и молота – на флаге республики, поступившее в ходе предшествующего обсуждения, [73] было учтено, правда, частично – без звезды.

Однако есть основание полагать, что обсуждения по данному вопросу не было. Так, сохранилось два варианта протокола. Первый – отпечатанный на машинке документ, в котором зафиксировано рассмотрение трех вопросов: «Проект положения о Центральном Исполнительном Комитете ЧАССР», «Проект Положения о членах ЦИКа ЧАССР», «О гербе и флаге». Удалось выявить четыре его экземпляра, [74] но лишь один из них имеет подписи председателя и секретаря комиссии. [75]

Второй – также отпечатанный на машинке – содержит информацию лишь о двух обсужденных комиссией вопросах – «Проект положения о Центральном Исполнительном Комитете ЧАССР» и «Проект Положения о членах ЦИКа ЧАССР». [76] При этом на одном из двух выявленных экземпляров решение «О гербе и флаге» вписано от руки предположительно секретарем комиссии А. Яковлевым ниже отпечатанного текста. Возможно, его подпись стоит на данной версии документа. По-видимому, это черновик окончательного варианта протокола, который и раскрывает «механизм» принятия решения по государственной символике. [77]

Но и на этом «странности» принятого комиссией документа не заканчиваются. Дело в том, что ее решение о флаге отличается от того, что было озвучено на съезде. Для сравнения, вот что записано в протоколе: «Герб и флаг принять в том виде, в каком он представлен на рассмотрение Комиссии, переименовав лишь на флаге золотой цвет букв «ЧАССР» на красный». [78] То есть об эмблеме «серп и молот» речи не шло. По чьей конкретно инициативе была внесена эта существенная корректировка в окончательное решение, мы, очевидно, уже не узнаем, но исходить она могла только от высшего руководства республики.

Как бы то ни было, после объявления делегатам «вывода» комиссии вопрос был тут же, без обсуждения, поставлен на голосование съезда. В итоге окончательный вариант изображения Государственного флага Чувашской АССР был принят единогласно. [79] В принятом решении указывалось: «Флаг

состоит из красного или алого полотнища, на верхнем левом углу которого обрамленное чувашским орнаментом белое полотно с красными буквами «ЧАССР», впереди коих в верхнем углу серп и молот, расположенные крест-накрест рукоятками книзу». [80]

Таким образом, внешне Государственный герб Чувашской АССР отчасти напоминал свой российский прототип, но имел и свои отличия: кроме традиционных колосьев, на нем были изображены еловые и дубовые ветки, а также лента с чувашским национальным орнаментом на концах. Кроме того, отсутствовал имевшийся в гербе РСФСР картуш.

В Государственном флаге Чувашской АССР также просматривались черты сходства с флагом РСФСР: в кантоне (верхнем левом от зрителя углу) и того, и другого флагов были помещены аббревиатуры, соответственно, «РСФСР» и «ЧАССР». Но в первом случае красный фон кантона имел желтое (золотое) обрамление и название государства было также написано золотыми буквами, а во втором – кантон представлял собой «обрамленное чувашским орнаментом белое полотно с красными буквами «ЧАССР».

Резюмируя все перипетии принятия решения по национально-государственной символике республики на данном этапе нельзя утверждать, что оно было простым и однозначным. Сознали ли руководители Чувашии, что присутствие в государственных символах национальных мотивов может вызвать негативную реакцию, как внутри республики, так и у центральной власти? Судя по приведенным текстам документов, можно ответить на этот вопрос утвердительно. Это подтверждает и эпизод с отправкой ходатайства об утверждении герба и флага Чувашской АССР во ВЦИК.

Сохранилось три варианта этого документа: черновик, беловик и неподписанный экземпляр, отпечатанный на бланке ЦИК Чувашской АССР (возможно отпуск). [81] Последний из них представляет собой самый краткий текст письма. Его и возьмем за основу, так как в отсутствие подписей бланк – единственный признак, придающий ему условно-официальный характер. При этом текстуальные отличия других вариантов выделим угловыми скобками, а текст черновика, кроме того, курсивом:

«Центральный Исполнительный Комитет Чувашской Автономной Социалистической Советской Республики ходатайствует об утверждении герба и флага ЧАССР, принятых 2/7 Всечувашским съездом Советов.

Герб состоит: из изображений на красном фоне в золотых лучах солнца золотых серпа и молота, расположенных крест-накрест, рукоятками книзу, окруженных венком, состоящим и[з] колосьев с правой стороны и дубовых и еловых веток с левой стороны, перевитых снизу лентой с красной каймой с чувашскими орнаментами на концах и надписью в середине: «ПЁТЁМ ТЁНБЕРИ ПРОЛЕТТАРИСЕМ, ПЁРЛЕШЁР». Над серпом и молотом помещается золотая пятиконечная звезда. Вокруг венка надпись с левой стороны: «БЃВАШСЕН АВТОНОМЛЃ СОТСИАЛИСАМПА СОВЕТ РЕСПУБЛИКЁ», с правой стороны: «ЧУВАШСКАЯ АВТОНОМНАЯ СОВЕТСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА» и внизу между вышеуказанными надписями, инициалы «РСФСР».

<Венок герба из колосьев и дубовых и еловых веток (далее зачеркнуто слово перевитый) принято как эмблема (далее зачеркнуто слово соответствующий)>

щая) главных природных богатств Чувашской Республики и занятия населения – лесной массив и земледелие. Лента с красной каймой с чувашскими орнаментами – эмблема (далее зачеркнуто слово национальных) украшений костюма.> (Данная рукописная вставка перечеркнута – В.Т.)

<Венок из колосьев и древесных веток принят как эмблема главного занятия населения – земледелия и лесных массивов Чувашской Республики. Лента с чувашскими орнаментами – эмблема украшений национального костюма.>

Флаг состоит из красного или алого полотнища, на верхнем левом углу которого, обрамленное чувашскими орнаментами, белое полотно с красными буквами «ЧАССР», впереди коих в верхнем углу серп и молот, расположенные крест-накрест рукоятками книзу. Отношение ширины флага к длине – 1:2, а белой вставки к красному полотнищу – 1:9.

<Белое полотно с чувашскими орнаментами на красном фоне флага принято как эмблема чувашского национального костюма, характеризующая преобладание белого цвета с украшениями (исправлено на «вышивками» – В.Т.) в разные цвета по белому фону.>

<Белое полотно с чувашскими орнаментами принято, как эмблема чувашского национального костюма, в котором преобладает белый цвет с разноцветными вышивками по белому фону.>

Образцы герба и флага прилагаются».

Подписать документ должны были председатель ЦИК Н.Л. Юшунев и секретарь ЦИК А.Н. Никитин. Однако ни один из экземпляров не подписан и не датирован. Установить время их создания можно лишь приблизительно – не ранее 26 мая 1927 г., то есть когда Н.И. Юшунев сменил на посту председателя ЦИК республики И.И. Илларионова.

К сказанному следует добавить, что сравнительный анализ почерка вставок на письме с другими документами дела дает основания утверждать, что сделаны они были юрисконсульту ЦИК А. Яковлевым. [82]

Таким образом, все сказанное позволяет сделать вывод о том, что стремление отразить национальные мотивы в главных символах государства на данном этапе возобладало над политико-идеологическими подходами. Это стало возможным благодаря позиции руководства высшего органа государственной власти Чувашской АССР, которое, как следует из проектов письма во ВЦИК, вполне отдавало себе отчет в том, что такой облик государственных символов Чувашии может вызвать негативную реакцию в соответствующих союзных и всероссийских инстанциях.

На рубеже 1920–1930-х гг. политическая ситуация в стране начала меняться. Методы реализации экономической политики, в первую очередь при проведении индустриализации промышленности и коллективизации сельского хозяйства, свертывание внутрипартийной демократии вызвали серьезные разногласия не только в руководстве страны, но и в среде партийных работников всех уровней. По стране прокатилась волна «партийных чисток», не миновавшая и Чувашскую АССР. Под предлогом избавления партийных рядов от «правых уклонистов», «социально-чуждых и примазавшихся элементов», а также борьбы с проявлениями «буржуазного и мелкобуржуазного национализма» практиковалась дискредитация и выключение из активной партийно-

политической работы людей независимого мышления, оппозиционно настроенных по отношению к тогдашнему партийному руководству республики в лице С.П. Петрова. [83] Так, беспрецедентной травле был подвергнут один из инициаторов создания Чувашской АО и ее первый руководитель Д.С. Эльмень, а также ряд других партийных и советских деятелей республики.

Весьма показательны в этом смысле две публикации газеты «Красная Чувашия», датированные ноябрем–декабром 1930 года. Первая из них – «О борьбе на два фронта с уклонами в национальном вопросе» – является частью доклада ответственного секретаря Чувашского обкома ВКП(б) С.П. Петрова на объединенном собрании членов и кандидатов ВКП(б) ячейки типографии и республиканского совещания 25-тысячников. [84] В ней руководитель партийной организации республики подверг резкой критике деятельность Общества по изучению местного края и ряда его деятелей, а также чувашских ученых – П.И. Иванова, Ф.Т. Тимофеева, Г.И. Комиссарова М.П. Петрова и других. Главный вывод статьи вполне отвечал духу времени: «Ведя непримиримую борьбу на два фронта с уклонами от генеральной линии партии, с правым уклоном, как главной опасностью на данном этапе, с «левыми» загибами – остатками и рецидивом контрреволюционного троцкизма и с разновидностью этих уклонов с антипартийной группой право-«левацкого» блока, одновременно с этим чувашская парторганизация должна усилить борьбу – с буржуазно-национал-шовинистическими взглядами и теориями их агентуры в рядах партии – эльменевщиной и с примиренчеством с ним». [85]

Не менее острой по своему идеологическому накалу была и вторая публикация – «За ленинскую национальную политику», представлявшая собой переработанный доклад В.И. Токсина на XI Чувашской областной конференции ВЛКСМ от 5 декабря 1930 года. [86] Остановившись на проявлениях «русского великодержавного шовинизма», автор указал на то, что он является питательной почвой для местного национализма, проявлениями которого стали статья Д.С. Эльменя в журнале «Чувашское хозяйство» (№ 3–4 за 1928 год) и «Труды первого Всечувашского краеведческого съезда». [87] Они, по мнению В.И. Токсина, стали «полной и оформленной платформой чувашского национализма». [88] Подвергнув критике позиции Д.С. Эльменя, С.А. Коричева, представителей местной научной и творческой интеллигенции по вопросам исторического и хозяйственно-экономического развития, здравоохранения Чувашии, раскритиковав деятельность Общества по изучению местного края, дав негативную оценку роли И.Я. Яковлева в просвещении чувашского народа, [89] автор статьи резюмировал: «Уклоны в национальном вопросе и великодержавный шовинизм, и местный национализм мешает правильному проведению национальной политики партии». [90]

В этой обстановке 12 февраля 1931 г. IV (IX) съезд Советов Чувашской АССР вновь вернулся к рассмотрению вопроса о гербе и флаге республики. [91] Основным докладчиком по нему был представлявший Чувашский обком ВКП(б) депутат от Ибресинского района В.И. Токсин.

Прежде всего, он отметил «большое политическое значение» принятия «национального герба и флага». [92] Сделанная им подмена понятий «государственного» на «национальный», вероятно, не была просто оговоркой. Ведь все,

что происходило на территории Чувашии, начиная с победы большевиков в октябре 1917 года, воспринималось как национальное возрождение чувашского народа, и вся атрибутика, создававшаяся в это время официальными органами и общественными организациями, носила ярко выраженный национальный характер. Достаточно вспомнить значок члена ЦИК Чувашской АССР – единственный выделявшийся своей национальной индивидуальностью по сравнению с другими аналогичными атрибутами союзных и автономных республик. Далее, как бы в оправдание ранее принятого решения по государственным символам республики, В.И. Токсин подтверждает необходимость показа «особенностей, различий одного государства от другого», которые выражаются, в том числе, во флагах и гербах. [93]

Однако свежий ветер «октябрьских перемен» уже сменился пронизывающим сквозняком начинавшихся репрессий. Это и предопределило расстановку акцентов в основной части выступления, носившего ярко выраженный идеологически-демагогический характер. «Вся до сих пор бывшая история характеризуется непрерывной борьбой в обществе между трудящимися и эксплуататорами за уничтожение одного класса, и знамя борьбы у этих классов были разные» – основной посыл выступления В.И. Токсина. [94] При этом никакие правила геральдики и вексиллологии, в отличие от предыдущего обсуждения герба и флага республики, в расчет не принимались. Во главу угла была поставлена исключительно идеологическая мотивация.

Не утруждая себя какими-либо примерами или доказательствами, докладчик заявил, что любимыми цветами буржуазии были белый и бело-синий, а основной цвет флага эксплуататорского класса – белый. Причем, белый флаг, по его мнению, есть ничто иное, как «воплощение эксплуататорских стремлений буржуазии». Именно под ним в годы гражданской войны «всякие белогвардейцы, всякие контрреволюционные силы шли против трудящихся», в то время как «трудящиеся в своей борьбе шли всегда под своим флагом, флагом красного цвета, флагом более близким классу эксплуатируемых, классу трудящихся» – доказывал Токсин. Последнее обстоятельство, по его мнению, и предопределило тот факт, что после Октябрьской революции красный цвет был признан государственным. «Это – момент исторический. В общем, наш красный флаг является выражением стремления к коммунизму» – резюмировал докладчик. [95]

Заняв в целом жесткую идеологическую позицию, В.И. Токсин все же попытался «защитить» своих предшественников и коллег, отметив «что герб и флаг Чувашской Республики, принятые на втором съезде Советов, отражают известную степень развития чувашских трудящихся масс». [96] Говоря далее о давлении «мелкобуржуазной националистической стихии» и «всяких националистических, шовинистических» тенденциях, он объяснял это тем, что «к тому времени мы еще не освободились» от них, [97] но при этом не стал уточнять, что следовало понимать под этим нейтральным «мы» – политическое руководство или кто-то другой.

«Мелкобуржуазный националистический подход» при создании государственных символов В.И. Токсин толковал весьма своеобразно: «<...> Мы, показывая правильные элементы союза рабочего класса с крестьянством, орудия

труда, результаты труда, колосья и т.д. обвили их белой полоской, белым полотном, чувашским сурбаном. Что же такое сурбан. Этот сурбан является отражением и пережитком националистической старины. Если мы в ряде восточных районов имеем остатки угнетения женщин под разными названиями – чадра, паранджа, то у нас в этом отношении такое же значение имеет сурбан. Он является знаком того, что женщина вышла замуж, является символом закрепления женщины за одним мужчиной-собственником. Сурбан есть знак закрепления чувашки. Октябрьская революция раскрепостила и женщин. Следовательно, наш герб не является отражением правильной национальной политики партии, объединением всех трудящихся всех национальностей Советского Союза, стремлением к общему идеалу к коммунизму. Возьмите далее флаг ЧАССР. На флаге Чувашской Республики есть белая полоска, обвитая сурбаном, и так же, как герб, отражает некоторые пережитки старины. Коротко говоря, наш герб и флаг содержат элементы национализма, шовинизма, буржуазно-демократического стремления чувашской интеллигенции». [98]

Хотя из сказанного не совсем понятно, в каких конкретно элементах проявлялись мелкобуржуазность, национализм или шовинизм государственной символики, и почему старина объявлялась националистической, вывод докладчика был категоричным: «Существующий наш герб и флаг не являются коммунистическим стремлением и не отражают правильной национальной политики партии и соввласти. Поэтому здесь требуется серьезная поправка». [99]

При этом он позволил себе весьма примечательную реплику: «<...> Нельзя сказать, что чувашки не носили совсем белой материи. Очень хорошо ходить чистым и в белой рубашке, это одно дело. Совсем другое дело, когда белый цвет хотят сделать государственным и на этом обосновать всякую националистическую чепуху». [100] То есть фактически признал традицию чуваш носить расшитую национальным узором белую одежду. Причем надевалась она, как известно, по случаю особо значимых событий в жизни народа.

Таким образом, стремление отразить в главных символах государства национальное своеобразие, уникальность культуры чувашского народа было объявлено в угоду «идеологической чепухе» проявлением национализма и олицетворением закрепощения чувашской женщины.

После столь «убедительной» аргументации В.И. Токсин изложил новое официальное видение обновленных герба и флага: «Основа герба – молот и серп остаются. С правой стороны герба – колосья, с левой стороны дубовые листья, показывающие богатство нашей республики. Обвиваются они вместо белого полотна красным полотном. Прежний флаг нужно заменить красным полотном, белую полоску из флага изъять. Внизу на чувашском языке надпись, означающая ЧАССР, наверху с левой стороны звезда, под звездой молот и серп. Здесь художником показаны лучи солнца, они не нужны, так как только затемняют мысль. На правой стороне флага надпись на чувашском языке – «Пролетарии всех стран, соединяйтесь». На прежнем флаге не было и этого основного лозунга пролетариев и всех трудящихся всего мира». [101]

Обсуждения вопроса фактически не было. В прениях по докладу приняло участие лишь два делегата – Игнатъев из Мало-Яльчикского и Зинькова из Та-

таркасинского районов. По сути, ими были повторены доводы, озвученные В.И. Токсиным. [102]

Ограничившись этими выступлениями, председательствовавший на заседании предложил прекратить прения и предоставил слово И.Я. Морозову для «зачтения постановления IV (IX) Всечувашского съезда Советов о гербе и флаге ЧАССР».

Проект постановления делегатами не обсуждался. Еще до обсуждения вопроса о государственной символике на съезде он уже был одобрен на объединенном заседании бюро Чувашского обкома ВКП(б) и Президиума областной контрольной комиссии, состоявшемся 10 февраля 1931 года. [103] Текст принятого съездом документа гласил:

«1. Из постановления 2 (7) Всечувашского съезда Советов о государственном гербе выражения: «с красной каймой и чувашским орнаментом на концах» и из постановления о флаге: «на верхнем левом углу которого обрамленное чувашским орнаментом белое полотно с красными буквами» изъять, как не отражающие правильную национальную политику пролетарского государства.

2. Утвердить герб Чувашской автономной советской социалистической республики в следующем виде: герб состоит из изображений на красном фоне в золотых лучах солнца, золотого серпа и молота, расположенных крест-накрест рукоятками книзу окруженных венком, состоящих из колосьев с правой стороны, и дубовых и еловых веток с левой стороны, перевитым снизу красной лентой с надписью в середине «Пётём тёнчери пролеттарисем, пёрлешёр». Над серпом и молотом помещается золотая пятиконечная звезда. Вокруг венка надпись с левой стороны «Тавашсен Автономла Сотсиалисампа Совет Респуплёкё», с правой стороны – «Чувашская Автономная Социалистическая Советская Республика» и внизу, между вышеуказанными надписями, инициалы «Р.С.Ф.С.Р.».

3. Флаг состоит из красного или алого полотнища. В верхнем левом углу золотые серп и молот, расположенные крест-накрест рукоятками книзу. Под серпом и молотом надпись золотыми буквами «Ч.А.С.С.Р.» и на правом верхнем углу надпись «Пётём тёнчери пролеттарисем, пёрлешёр». Отношение флага к длине 1:2». [104]

И пафос выступления В.И. Токсина, и принятое съездом решение были бы вполне объяснимы с учетом той обстановки, о которой говорилось выше, если бы не одно «но»... С 1932 г. промысловая кооперация Чувашии начала экспортировать в Америку свои вышивальные изделия, метко названные посетившим в конце 1930-х гг. Чувашию советским писателем Н.К. Костаревым «неумирающим искусством чувашской женщины!» [105]

Таким образом, принятый IV (IX) съездом Советов Чувашской АССР документ знаменовал собой победу идеологизированной риторики в национальной политике. Утрата государственными символами Чувашской АССР своей индивидуальности, своей национальной окраски, их фактическое обезличивание привели, в том числе, и к утрате начал, имевших важное объединяющие значение для чувашского народа. Верность идеалам возрождающейся нации была заменена на верность идеологии, реализуемой политическим руководством страны.

Библиографический список

1. **Здравомыслов, А.** Трансформация смыслов в национальном дискурсе / А. Здравомыслов // Язык и этнический конфликт / Под ред. М.Б. Олкотт, И. Семенова. Московский Центр Карнеги. – М.: Гендальф, 2001. – С.34.
2. **Хауер-Тюкаркина О. М.** Дискурс национального в современном немецком обществе [Электронный ресурс]. – Режим доступа :<http://www.perspektivy.info/print.php?ID=270820>, свободный(дата обращения: 01.02.2016). Загл. с экрана. – Яз.рус.
3. **Faryno, J.** Эмблемы СССР // Идеи в России = IdeasinRussia = Idee w Rosji: Leksykonrosyjsko-polsko-angielski: W 5 t. / Podred. A. deLazari. – Łódź: Ibidem, 1999. Т. 2. – С. 269 (Цит. по: **Соболева, Н. А.** Очерки истории российской символики: От тамги до символов государственного суверенитета / Соболева Н.А. – М.: Языки славянских культур; Знак, 2006. – С.242.)
4. **Резолюции и пожелания, принятые Общечувашским съездом**, состоявшемся в г. Симбирск с 20 по 28 июня 1917 г. – Симбирск: Типолитография губернского исполнительного комитета, 1917. – С.14.
5. Там же.
6. ГИА Чувашской Республики. Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 2. Л. 32 об. – 33.
7. Там же. Д. 24. Л. 26.
8. Там же. Л. 45.
9. Там же. Л. 45 об.
10. Там же. Л. 47 об.
11. Там же. Ф. Р-501. Оп. 1. Д. 3. Д. 74–74 об.
12. Там же. Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 24. Л. 47 об.
13. Там же. Л. 47.
14. Там же. Л. 62 об.
15. Там же. Д. 9. Л. 31.
16. **Соболева Н. А.** Очерки истории российской символики ... – С.237.
17. **Романова, Ф. А.** Театр, любимый народом / Ф. А. Романова – Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 1988. – С.7–9.
18. ГИА Чувашской Республики Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 91. Л. 63.
19. **Нестеров, В.А.** Населенные пункты Чувашской АССР / В. А. Нестеров– Чебоксары, 1981. – С.28.
20. ГИА Чувашской Республики Ф. Р-202. Оп.6. Д.6. Л.552 об.
21. Там же. Л.738.
22. Там же. Ф. Р-333. Оп. 1. Д. 3. Л. 165.
23. ГАСИ Чувашской Республики. Ф.П-1. Оп. 6. Д. 11. Л.93.
24. **Русские писатели о чувашах** : Сб. произведений / Сост. и авт. вступ. статьи Ф.Е. Уяр; авт. комментариев Г.И. Федоров; авт. послесловия В.Г. Родионов. – Изд. 2-е, доп. – Чебоксары: Чуваш.кн. изд-во, 2009. – С.213.
25. ГИА Чувашской Республики Ф. Р-125. Оп.1. Д.3. Л.69 об.
26. Там же. Ф. Р-123. Оп.1. Д.7. Л.37 об.
27. **Чувашский Национальный музей** // Известия облисполкома и областкома РКП АЧО. – № 7. – 1921, 18 февраля. – С.2.
28. **Отчет о деятельности общества изучения местного края Чувашской автономной области за 1921–1923 годы.** – Чебоксары: Об-во изучения местного края, 1921. – С.4–5.
29. ГИА Чувашской Республики. Ф. Р-125. – Оп.2. – Д.96. – Л.39.

30. *Научная экспедиция* // Известия облисполкома и областкома РКП АЧО. – № 46. – 1921, 23 октября. – С.2.
31. ГИА Чувашской Республики Ф. Р-333. Оп.1. Д.3. Л.75–79 об.
32. Там же. Л.85–86 об.
33. Там же. Д.4. Л.289–289 об.
34. Там же. Д.3. Л.151.
35. Л.160–161 об.
36. Там же. Л.178.
37. Там же. Ф. Р-202. Оп.1. Д. 213. Л.70; Д.231. Л.4–4 об.
38. **Денисов, П. В.** Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей / П. В. Денисов. – Чебоксары, 1969. – С. 10.
39. ГИА Чувашской Республики. Ф.Р-202. Оп. 6. Д. 32. Л. 18.
40. Там же. Оп. 1. Д. 200. Л. 21.
41. Там же. Оп. 6. Д. 33. Л. 214.
42. Там же. Оп. 1. Д. 213. Л. 9 об.
43. **Советский знак.** Каталог. [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://www.sovietznak.ru/badge/2247?sphrase_id=38823 (дата обращения: 28.07.2013), свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.
44. ГИА Чувашской Республики. Ф. Р-202. Оп. 2. Д. 199. Л. 7, 15.
45. ГИА Чувашской Республики. Ф. Р-202. Оп. 1. Д.213. Л.15.
46. **Отчеты о деятельности Общества изучения местного края Чувашской Автономной Социалистической Советской Республики за 1924–1926 годы.** – Чебоксары: Общество изучения местного края, 1927. – 33 с.; ГИА Чувашской Республики Ф. Р-333. Оп.1. Д.3.
47. ГИА Чувашской Республики. Ф. Р-221. Оп. 1. Д.680; Ф. Р-1527. Оп. 1. Д.1. Л.7–8.
48. Там же. Ф. Р- 221. Оп. 1. Д. 207. Л.20–21.
49. Там же. Ф. Р-202. Оп. 1. Д. 213. Л. 15.
50. ГАСИ Чувашской Республики. Ф. 2741/1527. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
51. ГИА Чувашской Республики. Ф. Р-202. Оп. 2. Д. 199. Л. 10–10 об.
52. Там же. Л. 4.
53. ГАСИ Чувашской Республики. Ф. 2741/1527. Оп. 1. Д. 1. Л. 1 об.
54. ГИА Чувашской Республики. Ф. Р-202. Оп. 2. Д. 199. Л. 11–11 об.
55. Там же. Ф. Р-221. Оп. 1. Д. 207. Л. 13.
56. Аналогичная ситуация сложилась с принятием герба Чебоксар в 1969 г. Подробнее об этом см.: **Ткаченко, В. Г.** Муниципальные символы в Чувашской Республике: истоки и современность / В.Г. Ткаченко // Вестник Чебоксарского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. – 2014. – № 1 (6). – С.14–15.
57. ГИА Чувашской Республики. Ф. Р-202. Оп. 1. Д. 249. Л. 1.
58. Там же. Л. 5.
59. Там же. Л. 127.
60. Там же. Оп.2. Д. 199. Л. 13.
61. Там же. Л.15–21.
62. Там же. Оп. 1. Д. 24. Л.623.
63. Там же. Л.623.
64. Там же. Л.624.
65. Там же. Л.625.
66. Там же.
67. **Постановления 2 (7) Всечувашского съезда Советов.** – Чебоксары: Изд. Центрального Исполнительного Комитета ЧАССР, 1927. – С. 68.

68. ГИА Чувашской Республики. Ф. Р-202. Оп. 1. Д. 24. Л.625–627.
69. Там же.
70. Там же.
71. Там же.
72. Там же. Л.666.
73. Там же. Л.627.
74. Там же. Д. 23. Л. 62 – 62 об.; Д.200. Л. 99–99 об, 100–100 об., 101–101 об.
75. Там же Д. 23. Л. 62 – 62 об.
76. Там же. Д.200. Л.190–190 об., 191–191 об.
77. Там же. Л.190–190 об.
78. Там же Д. 23. Л. 62 – 62 об.
79. Там же. Д. 24. Л.666.
80. **Постановления 2 (7) Всечувашского съезда Советов.** – Чебоксары: Изд. Центрального Исполнительного Комитета ЧАССР, 1927. – С. 68.
81. ГИА Чувашской Республики. Ф. Р-202. Оп. 1. Д. 200. Л. 314, 315, 316.
82. См., например: ГИА Чувашской Республики. Ф. Р-202. Оп. 1. Д. 200. Л. 319–319 об.
83. **История Чувашии новейшего времени** : [в 2 кн.] / Чуваш.гос. ин-т гуманитар. наук; [И. И. Бойко и др.]. – Чебоксары : Чуваш.кн. изд-во, 2001. – Кн. 1 : 1917–1945. / А.В. Изоркин, В.Н. Клементьев, Г.А. Александров. – С.175–176.
84. **О борьбе на два фронта с уклонами в национальном вопросе** (Из доклада отв. секретаря ОК ВКП (б) тов. Петрова на объединенном собрании членов и кандидатов ВКП (б) ячейки типографии и республиканского совещания 25-ти тысячников) // Красная Чувашия. – № 267 (1493) – 1930, 18 ноября. – С.2–3.
85. Там же. С.3.
86. **За ленинскую национальную политику** (Переработанный доклад на XI-й Чувашской Областной Конференции ВЛКСМ 5 декабря 1930 г.) // Красная Чувашия. – № 290. – 1930, 15 декабря. – С.3; № 292. – 1930, 18 декабря. – С.3; № 294. – 1930, 20 декабря. – С.4; № 296. – 1930, 22 декабря. – С.4.
87. Там же. № 292. – 1930, 18 декабря. – С.3.
88. Там же.
89. Там же. № 294. – 1930, 20 декабря. – С.4.
90. Там же. № 296. – 1930, 22 декабря. – С.4.
91. ГИА Чувашской Республики. Ф. Р-202. Оп. 1. Д. 68. Л. 467–471.
92. Там же.
93. Там же.
94. Там же.
95. Там же.
96. Там же. Л. 468.
97. Там же.
98. Там же.
99. Там же. Л. 468–469.
100. Там же. Л. 469.
101. Там же.
102. Там же. Л. 469–470.
103. ГАСИ Чувашской Республики. Ф. П-1. Оп. 12. Д. 18. Л. 187.
104. ГИА Чувашской Республики. Ф. Р-202. Оп. 1. Д. 68. Л. 470–471.
105. **Русские писатели о чуваших** : Сб. произведений / Сост. и авт. вступ. статьи Ф. Е. Уяр; авт. комментариев Г. И. Федоров; авт. послесловия В.Г. Родионов. – Изд. 2-е, доп. – Чебоксары: Чуваш.кн. изд-во, 2009. – С. 376.

Ткаченко Владимир Глебович, кандидат исторических наук, доцент кафедры социальных технологий Чебоксарского филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», государственный советник Чувашской Республики I класса, Почетный архивист России, e-mail: vlagletka@yandex.ru
